

ФРАНЦУЗЫ-КАЛЬВИНИСТЫ ВЪ РОССІИ.

(Переведено съ Французской неизданной рукописи).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ явился ко мнѣ нѣкто и назвался преподавателемъ Французскаго языка въ одной изъ губернскихъ гимназій; онъ пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ отыскать въ ней подобное же занятіе. Слушая его, я не могъ опредѣлить его народности: онъ говорилъ правильно, избранными выраженіями, но нѣкоторые Германскіе обороты пестрили его рѣчь. Немного чопорная походка, сюртукъ, застегнутый до верху, откуда выглядывалъ стоячій воротникъ, упирающійся въ бритый подбородокъ, нѣкоторая принужденность въ движеніяхъ, строгость въ чертахъ лица, все, казалось, указывало на принадлежность къ духовному званію. Мнѣ представлялось, что я вижу Швейцарца изъ Нѣмецкой Швейцаріи, который готовится стать пасторомъ. Я не вполне ошибся. Такъ какъ онъ просилъ моей поддержки въ пріисканіи ему мѣста, то я спросилъ его: „Вы Французъ?“ — „Да, отвѣчалъ онъ, я родился въ Безье (Béziers), но провелъ нѣсколько лѣтъ за границею, въ Германіи и Швейцаріи“. Онъ сказалъ „но“, вѣроятно, чтобы объяснить и извинить Германское произношеніе въ устахъ Француза. Онъ продолжалъ: „Я изучалъ богословіе на протестантскомъ факультетѣ въ Монтобанѣ (Montauban), послѣ чего поѣхалъ въ Германію въ Боннъ защищать диссертацию по богословію, затѣмъ исполнялъ въ Швейцаріи временно обязанности пастора...“ Опасаясь показаться назойливымъ, я не спросилъ его, почему промѣнялъ онъ пасторскую жизнь на преподавательское поприще. Я обѣщалъ ему поддержку, далъ рекомендательное письмо и больше никогда не видалъ его и не слыхалъ о немъ.

Это воспоминаніе, это видѣніе Француза изъ южной Франціи, тѣсно связаннаго съ Германіей и Швейцаріей, всплываетъ передо мною теперь, когда я пишу эту замѣтку о колоніяхъ, основанныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ Французскими Кальвинистами, бѣжавшими въ Россію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта. Такое быстрое превращеніе Француза

въ какой-то сплавъ, гдѣ одновременно сливаются три народности, объяснило мнѣ, какъ Французскія колоніи Кальвинистовъ поглощаются окружающимъ ихъ Нѣмецкимъ элементомъ. Я говорю это не въ укоръ: я далекъ отъ осужденія; напротивъ, Французскіе эмигранты имѣли важныя причины сначала бѣжать изъ родины, потомъ сравнить образъ обхожденія съ ними въ чужихъ краяхъ съ тѣмъ, каковой испытывали у себя, сдѣлать выборъ и остановиться на немъ. Они не ошиблись: въ Германіи, въ Англіи, въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Голландскихъ колоніяхъ южной Африки они окончательно отряхли прахъ родной страны и въ короткое время стали патриотами принявшей ихъ страны. Почти всѣ поглотились ею. Сначала измѣнились воззрѣнія; обычаи и привычки продолжались дольше, но потомъ въ свою очередь тоже исчезли. Языкъ продолжался до нашихъ дней, но какъ онъ измѣнился, именно въ Берлинѣ и Россіи! Я, разумѣется, исключаю страны съ Французскимъ языкомъ, гдѣ родной языкъ пріобрѣтаетъ себѣ только мѣстныя нарѣчія. Когда, впослѣдствіи, создались въ разныхъ странахъ новыя Французскія колоніи, снабженныя своими консулами, черпающія отъ своей родины-матери чувствованія, мысли и матеріальныя выгоды, старыя Французскія общины Кальвинистовъ не слились съ ними; онѣ безъ возврата были потеряны для Франціи. Дѣло Людовика XIV и его совѣтчиковъ было ведено и проиграно ими безъ возможности апелляціи. Достаточно уже были доказаны слѣдствія совершенной ошибки, размѣры потерь нравственныхъ и матеріальныхъ, испытанныхъ нашей страной отъ насильственнаго ухода Гугенотовъ, чтобы нужно было еще разъ возвращаться къ нимъ; а потому я на этомъ и не буду останавливаться. Цѣль этого очерка просто показать, что стало съ колоніями Кальвинистовъ въ Россіи. Почти ничего не написано по этому вопросу: все вниманіе историковъ было обращено на Французскихъ бѣглецовъ въ разныхъ странахъ Европы, исключая Россіи. Особенно много написано о Французской колоніи въ Пруссіи, по поводу которой г-нъ Рейеръ, въ обоснованномъ и очень любопытномъ трудѣ *) описалъ происхожденіе, развитіе, учрежденія, вліяніе на нравы, литературу, искусства и промышленность Германіи.

Тѣмъ, кто упрекнетъ меня въ недостаточной основательности, въ сухости предмета, въ пробѣлахъ и пропускахъ, я скажу въ отвѣтъ слѣдующее: чтобы отыскать слѣды Французскихъ колоній Кальвинистовъ въ Россіи, я долженъ былъ предпринимать трудные поиски, справляться

*) Reyer (Prof.). Histoire de la colonie française en Prusse, traduite de l'allemand par Philippe Corbière. Paris, 1855, 1 vol. in 12.

въ тѣмъ работѣ и документовъ, войти въ сношенія съ лицами, живущими въ провинціи, дабы пріобрѣсти съ ихъ содѣйствіемъ свѣдѣнія, находящіяся въ мѣстныхъ архивахъ. Упомяну особенно о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ землевладѣльцемъ Минской губерніи графомъ Хрептовичемъ-Бутеневымъ, который прислалъ интересное сообщеніе объ колоніи Гугенотовъ въ Минскѣ; она имѣетъ до сихъ поръ съ собою представителей¹⁾. Въ общемъ Россія не легко выдаетъ свои секретныя дѣла, не потому, что являлось бы препятствіе со стороны властей, а потому, что разработка архивовъ, за исключеніемъ Петербургскаго и Московскаго (Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Архивъ Министерства Юстиціи) находится еще въ зачаточномъ состояніи²⁾.

Французы, бѣжавшіе въ Россію послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, имѣли уже въ XVII вѣкѣ нѣкоторое число предшественниковъ, принадлежавшихъ также къ вѣроисповѣданію „якобы Реформатскому³⁾“, какъ говорилось въ то время. Имена ихъ находятся въ спискахъ Евангелическихъ церквей въ Москвѣ: Марія Алларъ (1659 г.), Георгъ Бессонъ (или Бессуинъ), петардиръ его императорскаго величества (1626 г.); Луи Дюбо, аптекаръ (1626 г.); Антоній Бонневаль, старшина церкви (1622 г.); Филиппъ Бриотъ, аптекаръ и врачъ, прібывшій въ Москву въ 1632 г. вѣстникомъ отъ короля Англіи и оставшійся на службѣ у царя; Давидъ Бренъ, глазной врачъ (1629 г.); Роланъ-де-Карпантъе, проповѣдникъ, бывшій въ свитѣ Голландскаго посла Конрада Ван-

1) Встрѣчаются имена Безансона, Мелля и др.

2) Среди напечатанныхъ источниковъ я черпалъ преимущественно изъ слѣдующихъ трудовъ: Н. Dalton. Geschichte der Reformiten Kirche in Russland. Gotha, 1865.—D-r Edward von Muralt. Chronik der vereinigten französischen und deutschen Reformirten Gemeinde in St. Petersburg. Dorpat, 1842.—R. W. Fechner. Chronik der Evangelischen Gemeinde in Moskau. Moskau, 1876 2 vol. in 8.—Bassville. Précis historique sur la vie et les exploits de François le Fort. Genève 1784, 1 vol. in 8.—Г. Писаревскій. Исторія иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Москва, 1909, 1 т. 8-ка.—Abel Burja. Observations d'un voyageur sur la Russie, la Finlande, la Livonie, la Curlande et la Prusse. Maestricht, 1787 1 vol. in 8.—Isaac Massa de Harlem. Histoire des guerres de la Moscovie. Bruxelles 1866 2 vol. in 8.—Ch. Joret. Jean Baptiste Tavernier. Paris, Plon 1886, 1 vol. in 8.—Снѣгиревъ И. М. Происхожденіе и распространеніе Лютеранскихъ и Реформатскихъ церквей въ Москвѣ. (Православное Обозрѣніе, Сентябрь 1862 г.).—Мартыновъ. Историческое и археологическое описаніе города Москвы. 1865 2 т. 4-ка.—Дм. Цвѣтаевъ. Протестантизмъ и протестанты въ Россіи. Историческія изысканія. Москва 1890 г.—Léonce Pingaud. Les Français en Russie et les Russes en France. Paris 1886 1 vol. in 8.—Iter in Moschoviam Augustini Liberi Baronis de Mayerberg. 1661 1 vol. in 4.—A. Olearius. Relation du voyage de Moscovie, Tartarie et de Perse. Paris 1656. 1 vol. in 4.

3) „La religion prétendue réformée“.

Кленка (1676) г.); Яковъ Маро, негоціантъ (1606 г.); Дю-Мулень, негоціантъ (1622 г.); Жанъ Парке, молодой человекъ 18 лѣтъ, знавшій Русскій языкъ и прїѣхавшій въ Москву въ 1600 году съ Англійскимъ посломъ Джономъ Меррикомъ; Дю-Рулье, убившій въ 1689 году изъ пистолета въ Нѣмецкой Слободѣ старшаго офицера Шульца, за что былъ обезглавленъ на глазахъ у жителей Слободы; Петръ-дю-Даръ-де-Ремонъ (или Раймондъ), перешедшій въ Православіе и женившійся на дочери издавна поселившагося въ Россіи. (1626 г.) Англичанина Джона Барнслея (его молодая жена много потерпѣла отъ этого супружества, потому что Русское духовенство хотѣло силою обратить ее въ вѣру ея мужа; она не уступала и была въ теченіи пяти лѣтъ заключена въ Бѣлоозерскомъ монастырѣ). Яковъ Верень, инженеръ и петардиръ (1624 г.).

Къ этимъ малоизвѣстнымъ именамъ можно бы было прибавить имена Якова де-ла-Гарди, сына Понтуса барона де-ла Гарди (уроженца окрестностей Каркассона (Carcassone), который командовалъ Шведской арміей въ Смутное время (1584—1614 г.) и Петра де-ла Вилля, сира де-Домбалья, лейтенанта де-ла-Гарди; но это значило бы уклониться отъ предмета и выйти изъ рамокъ маленькаго очерка.

Эти предшественники Французской колонизаціи Протестантовъ въ Россіи принадлежали въ теченіи XVII вѣка къ различнымъ Евангелическимъ общинамъ, учрежденнымъ въ Москвѣ. Общины эти имѣли нѣсколько церквей, которыя, сообразно вѣротерпимости православнаго духовенства и властей, то уничтожались, то выстраивались вновь въ разныхъ кварталахъ, въ слободахъ, или переносились за стѣны Земляного города. Москва въ то время состояла изъ трехъ различныхъ городовъ: въ срединѣ Кремль и „Китай-городъ“ со своими стѣнами; затѣмъ „Бѣлый городъ“, окруженный тоже стѣнами изъ кирпича съ продѣланными воротами и, наконецъ, „Земляной городъ“ съ деревянными стѣнами и сторожевыми башнями, откуда открывался видъ на всѣ слободы и равнину вплоть до горизонта, поросшаго лѣсомъ. Все вмѣстѣ напоминало очертанія стараго Парижа, но рѣзко отличалось видомъ построекъ и матеріаломъ, употребленнымъ на нихъ. Лютеранскія церкви до конца XVII вѣка были деревянные, какъ большинство построекъ Москвы. Это были бѣдныя избы, сложенные изъ грубо отесанныхъ бревенъ, плохо освѣщенныя и размѣрами болѣе чѣмъ скромныя. Онѣ едва возвышались надъ сосѣдними постройками и терялись въ хаосѣ улицъ, перекрестковъ, закоулковъ и погостовъ, окружавшихъ церкви; все вмѣстѣ составляло тогдашнюю Москву. И въ то

время трудно было ихъ замѣтить, теперь же немалый трудъ отыскать ихъ слѣды въ лѣтописяхъ, переписяхъ и старыхъ поземельныхъ книгахъ Москвы XVII вѣка. Попытаемся, однако, опредѣлить ихъ мѣсто-нахожденіе, руководствуясь указаніями Снѣгирева, Мартынова Д. Цвѣтаева и другихъ.

Основаніе первой Лютеранской церкви приурочивается къ пріѣзду въ Москву въ 1559 году пастора Бракеля изъ Дерпта, забраннаго въ плѣнъ Московитами. Иванъ Грозный, питавшій большое недовѣріе къ Католикамъ (ихъ ревности къ обращенію въ ихъ вѣру онъ боялся), обнаруживалъ наоборотъ большую терпимость по отношенію къ Протестантамъ. Различія, существовавшія между православною вѣрою и вѣрою Реформатскою не казались ему настолько непримиримыми, какъ различія, приведшія къ расколу на Востокѣ. Въ богословскихъ спорахъ, которые онъ велъ съ Лютеранскими пасторами, ему приходилось иногда соглашаться съ противниками по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ и принимать ихъ точку зрѣнія; разумѣется, дѣло шло о вопросахъ второстепенныхъ, ибо во всемъ, касающемся догмата, онъ былъ несговорчивъ и не допускалъ возраженій. Какъ бы ни было, онъ смотрѣлъ благосклоннымъ взоромъ на водвореніе чужеземныхъ Протестантовъ въ Москвѣ. Болѣе того; слѣдуя осторожной политикѣ, онъ понималъ, что единственнымъ способомъ привязать къ своей службѣ людей образованныхъ и могущихъ внести искусства и знанія, столь недостававшія его землѣ, было позволеніе имѣть имъ свои церкви и свободно исповѣдывать свою вѣру.

Предполагають, что первая Лютеранская церковь была построена внѣ Москвы, въ Нѣмецкой Слободѣ, расположенной на лѣвомъ берегу Яузы и заселенной первоначально Шотландцами и Ливонцами.

Думаютъ, что эта церковь была разрушена при разгромѣ и грабежѣ Слободы опричниками по приказу Ивана Грознаго въ наказаніе за распутство и дерзость Ливонцевъ. Вслѣдствіе этого Протестанты принуждены были сходитьсѣ для отправленія богослуженія въ частныхъ домахъ.

Лютеранская церковь была вновь построена при Борисѣ Годуновѣ. Она находилась на Юго-востокѣ Москвы въ разстояніи четверти версты отъ стѣнъ Земляного города. Она погибла отъ пожара, учиненнаго въ 1610 году шайками второго Самозванца. Этотъ пожаръ уничтожилъ всѣ Московскія слободы. Поляки воспользовались имъ для ограбленія

могилы герцога Іоанна, сына Датскаго короля, умершаго въ Москвѣ въ 1602 году и погребеннаго въ склепѣ церкви. Мы сказали, что она находилась на Юго-востокѣ Москвы; однако, нѣкоторые писатели помѣщаютъ ее въ Бѣломъ городѣ близъ церкви св. Николы на Столпахъ, между Мясницкой и Покровкой. Другіе думаютъ, что она стояла близъ Поганана Пруда, теперешнихъ Чистыхъ Прудовъ. Мнѣніе, наиболѣе приближающееся къ истинѣ, это мнѣніе Петреуса, который помѣщаетъ эту церковь въ сосѣдствѣ съ Яузюю. Описавъ погребеніе герцога Іоанна, онъ говоритъ слѣдующее: „Близъ города Москвы стоитъ большая деревня съ 700-ми крестьянъ и ремесленниковъ; называется она „Красное Село“. Съ четверть версты отъ этого села, на Яузѣ, находится Нѣмецкая Слобода, гдѣ живутъ иноземцы, построившіе для себя деревянную церковь“. Пасторъ Беръ былъ, кажется, первымъ служителемъ Лютеранскаго прихода (1600 г.).

Послѣ Смутнаго времени Протестанты всѣхъ національностей, бѣжавшіе изъ Москвы, снова вернулись въ нее и осѣли въ разныхъ мѣстахъ города, преимущественно по сосѣдству съ Покровкою. Перепись домовъ Москвы, бывшая въ 1621 году, перечисляетъ между Маросейкою и Златоустинскимъ переулкомъ близъ монастыря домъ Лютеранскаго прихода: дворъ Нѣмецкаго дьякона Якова Юстрова—14¹/₃ сажень въ длину, 12 въ ширину; дворъ Нѣмецкаго „попа“ Георга-Томаса (т. е. Георга, сына Томаса Окса)—30 сажень длины и 8 ширины.

Въ 1626 году приходъ этотъ былъ уничтоженъ пожаромъ. Новая деревянная церковь была воздвигнута въ „Скородомѣ“ близъ стѣнъ Бѣлаго города и внѣ Флоровскихъ воротъ (нынѣ Мясницкая площадь) на землѣ, купленной Лютеранской общиной у вдовы Іоахима Люмзена. Ея ключарями были братья Англеры, переводчики при Посольскомъ Приказѣ (тогдашнее Министерство Иностранныхъ Дѣлъ). Официальные документы 1638 года указываютъ, что она построена была въ Огородничей Слободѣ, близъ церкви Св. Харитонія въ Огородникахъ. Приходъ состоялъ изъ четырехъ домовъ, церкви (ропата) и жилища Нѣмецкаго „попа“. Одинъ изъ пасторовъ, Мюнстенбергъ, владѣлъ въ 1638 году домомъ, стоявшимъ близъ церкви Николы Чудотворца на Покровѣ (Маросейкѣ).

Часть прихожанъ отдѣлилась и построила въ Бѣломъ городѣ часовню, имѣвшюю очень краткое существованіе. Она была срыта по приказу Московскаго патріарха вслѣдствіе ссоры, происшедшей въ ея стѣнахъ между прихожанками: нѣкоторые изъ нихъ, простыя служанки

или низкаго происхожденія, будучи замужемъ за чужеземными офицерами, находившимися на службѣ у царя, не захотѣли уступать мѣста Нѣмецкимъ горожанкамъ. Срытіе совершилось въ одинъ день. Прихожане получили дозволеніе выстроить вновь часовню на Покровкѣ.

Въ тоже самое время, какъ Лютеране раздѣлились на два прихода, Кальвинисты (Голландскіе, Французскіе и Швейцарскіе), слитые до тѣхъ поръ съ Лютеранами, попытались основать особую общину. Въ 1629 году они получили отъ Русскаго правительства дозволеніе построить церковь въ Бѣломъ городѣ, недалеко отъ Покровки, близъ Поганаго Пруда.

Постоянныя жалобы православныхъ священниковъ на вредъ, наносимый иностранцами священнымъ обрядамъ Русскихъ и особенно на объдненіе ихъ приходовъ и на уменьшеніе доходовъ отъ покупки „Нѣмцами“ домовъ по сосѣдству съ церквами, повлекли за собою въ 1643 году закрытіе всѣхъ Протестантскихъ церквей и часовенъ. Однако, по настоянію двухъ знатныхъ иноземцевъ, Марселиса и Генриха Келлермана, пользовавшихся нѣкимъ вліяніемъ при дворѣ, Лютеране получили дозволеніе построить новую церковь между Флоровскими и Покровскими воротами, внѣ вала Бѣлаго города и на значительномъ разстояніи отъ православныхъ церквей, на землѣ, принадлежавшей нѣкому Никитѣ Зюзину. Эта церковь служила нѣкоторое время двумъ Протестантскимъ исповѣданіямъ (Лютеранскому и Кальвинистскому). Она стояла, вѣроятно, на землѣ, противоположащей въ данное время Яузскому полицейскому дому, т. е. на пол-пути между Красными воротами и Землянымъ валомъ. Посвящена она была Св. Михаилу.

Кальвинисты, съ своей стороны, построили на Земляномъ валу часовню, недолго существовавшую.

Въ 1649 году новое рѣшеніе правительства запретить Протестантамъ отправленіе богослуженія въ Китай-городѣ и внутри Бѣлаго и Земляного городовъ заставило ихъ перенести церкви. Мѣсто, указанное имъ, получило названіе Ново-иноземской или Ново-Нѣмецкой слободы. Имъ дарованы обширныя владѣнія: первому Лютеранскому приходу 40 сажень длины и 19 ширины близъ Нѣмецкаго кладбища; церковь, стоявшая на владѣніи Никиты Зюзина, была перенесена туда. Второму Лютеранскому приходу—30 сажень длины и 22 ширины. Кальвинистамъ—40 на 20. Въ 1661 году новый кварталъ насчитывалъ до 200 домовъ.

Съ этого времени, не считая народнаго бунта, вызваннаго жестокимъ обращеніемъ со слугами жены полковника Лесли *) и повлекшаго за собою разграбленіе церквей, не считая бунта Стрѣльцовъ, грозившихъ перебить всѣхъ „Нѣмцевъ“, прихожане Протестантскихъ церквей Москвы жили спокойно.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ запутанъ вопросъ о возникновеніи Протестантскихъ церквей. Противорѣчія и ошибки Нѣмецкихъ и Русскихъ авторовъ, писавшихъ по этому вопросу, значительно затрудняютъ розысканіе мѣстонахожденій и основаній этихъ церквей. Хаотическое состояніе Московскихъ улицъ, проложенныхъ безъ порядка и симетріи вслѣдствіе многочисленныхъ пожаровъ, уничтожавшихъ городъ съ XVI по XVIII вѣкъ, усложняютъ задачу. Новѣйшіе труды Русскихъ писателей, особенно замѣчательный и добросовѣстный трудъ профессора Д. В. Цвѣтаева „Протестантизмъ и Протестанты въ Россіи“, проливаютъ свѣтъ на многія легенды и между прочимъ на ту, будто одна Протестантская церковь, въ царствованіе Бориса Годунова, была построена въ Кремлѣ близъ церкви Николая Гостунскаго и будто эта церковь была позднѣе перенесена на Моховую на мѣсто, занимаемое въ настоящее время университетомъ. Эта легенда, принятая на вѣру археологомъ Снѣгиревымъ, опровергнута Цвѣтаевымъ и Фехнеромъ, авторомъ прекрасной исторіи Евангелической общины въ Москвѣ. Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить въ оправданіе Снѣгирева и авторовъ, ссылавшихся на него, что въ то время, какъ они писали, нельзя было пользоваться архивными документами, за помощью къ которымъ обращаются теперь.

Существованіе иноземцевъ, жившихъ въ Москвѣ во второй половинѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ до Петра Великаго, тѣсно связано съ судьбою ихъ церквей. Пожары, народныя волненія, недобвѣріе или зависть жителей заставляли ихъ нѣсколько разъ мѣнять свое мѣстожительство, переходить изъ одного квартала въ другой, то приближаться къ центру, то скрываться въ отдаленныхъ мѣстностяхъ или переносить своихъ пенатовъ extra muros, пока возраставшій городъ не достигалъ ихъ. И такъ длилось, пока вѣротерпимость, окончательно ввѣдрившись въ нравы, не обезпечила имъ постояннаго мѣстожительства. Здѣсь нелишнее возстать противъ преувеличиванія иностранныхъ путешественниковъ, преимущественно Нѣмецкихъ, которые, забывая объ ужасахъ, совершенныхъ въ ихъ собственныхъ странахъ во время народныхъ волненій,

*) По словамъ Олеарія она обращалась съ ними жестоко, заставляла работать безъ передышки и принуждала ѣсть скоромное въ посты.

не унимаются въ рѣзкихъ сужденіяхъ о недостаткахъ Русскаго народа. Они отрицають въ немъ всякія достоинства, видятъ въ немъ только варваровъ, людей жестокихъ, лукавыхъ, лишенныхъ нравственнаго чувства, погрязшихъ въ пьянствѣ, воровствѣ, противостественныхъ порокахъ и т. д. Я бы не кончилъ, если бы захотѣлъ перечислить весь вредъ, нанесенный этими путешественниками Россіи. Уже то, что въ теченіи почти двухъ вѣковъ иноземцы, поселившіеся въ Москвѣ, почти не страдали ни лично, ни въ своихъ дѣлахъ, что они пережили относительно-спокойно такія тревожныя времена, какъ царствованіе Ивана Грознаго, Смутное время и бунтъ стрѣльцовъ, служить лучшимъ отвѣтомъ на обвиненія, перечисленныя выше. Если иноземцы и могли жаловаться, то только на препятствія со стороны правительства къ свободному въѣзду въ Россію, къ свободному исповѣданію Католической вѣры и къ свободной торговлѣ внутри страны. Страдали они и отъ медлительности чиновниковъ при заключеніи трактатовъ и конвенцій, отъ придирокъ Приказа и избытка бумагомаранія при совершеніи самыхъ простыхъ сдѣлокъ.

Съ царствованія Ивана Грознаго до Екатерины II иноземцы разселялись послѣдовательно въ слѣдующихъ слободахъ: въ слободкѣ на правомъ берегу Москвы-рѣки между Бабьимъ Городкомъ и мѣстомъ, называемомъ „Наливки“¹⁾; въ слободѣ, лежавшей за Яузскими воротами близъ Болвановки (нынѣ Таганская площадь) вдоль деревянныхъ стѣнъ Земляного города и, наконецъ, въ новой Нѣмецкой Слободѣ, не считая случайныхъ скучиваній вокругъ церквей въ различныхъ кварталахъ²⁾.

Постоянныя переселенія, которымъ подвергались иноземцы съ XVI по середину XVIII вѣка, отмѣчены также разными разбросанными кладбищами, пока не открылось въ 1758 году кладбище на Введенскихъ горахъ. Древнѣйшее изъ кладбищъ относится къ XVI вѣку. Оно находилось между Болвановкою на правомъ берегу Москвы-рѣки и Донскимъ монастыремъ, возлѣ коннаго рынка. Существованіе его доказывается надгробною плитою Ливонца Филиппа Белля (найденной

¹⁾ Жителями ея были Нѣмецкіе, Шведскіе и Ливонскіе плѣнники, приведенные въ Москву. Эта слобода подвергалась частымъ нападѣніямъ кочевниковъ. Она очень пострадала отъ набѣга Девлетъ-Гирея въ 1575 году.

²⁾ Между прочимъ можно упомянуть объ Англійской факторіи, основанной Шанселоромъ во время его второго приѣзда (1555 г.). Она была помѣщена въ домѣ Юшкова на Варваркѣ близъ церкви Св. Максима и дома Никиты Романова.

Калайдовичемъ въ 1823 году), замученнаго по приказу Ивана Грознаго*). Другое кладбище, второе по времени, помѣщено въ планахъ Москвы Бориса Годунова, Мейерберга и Олеарія. Оно лежало на лѣвомъ берегу Яузы около Болвановскихъ воротъ (нынѣ Таганскіе ворота), внѣ стѣнъ Земляного города („in ligneo muro Bolvansche Vorod cui proxime adjacent sepulturae Germanorum“). Кажется я могу приблизительно установить мѣсто этого кладбища, руководствуясь указаниями одного документа, найденнаго въ архивѣ IV округа Путей Сообщенія, 1738—1739 гг., упоминаемаго Мартыновымъ. Въ немъ читаемъ слѣдующее: „...Дворовое пустое мѣсто, которое было Нѣмецкое кладбище, да на томъ же мѣстѣ были торговыя бани, идучи отъ Воронцовской Слободы въ Каменьщики по правой сторонѣ, идучи подлѣ дворовъ и мяснаго ряду, мѣрою земли длиннику 33 саж., по лѣвую сторону подлѣ болварка 24 саж., поперешнику въ переднемъ концѣ 20 саж. въ заднемъ концѣ подлѣ землянаго города 20 саж.=670 саж.“ Домъ Работникова на Воронцовской улицѣ, садъ котораго выходитъ на Большіе Каменщики, кажется мнѣ, соотвѣтствуетъ мѣстоположенію древняго иноземнаго кладбища, современнаго Борису Годунову. Въ старой кирпичной стѣнѣ, отдѣляющей его отъ Каменщиковъ, продѣлана маленькая желѣзная калитка, изъѣденная ржавчиной, похожая на тѣ, что видишь на многихъ православныхъ кладбищахъ. Въ саду со столѣтними деревьями, тѣнистомъ, заросшемъ кустами и бурьяномъ, попадаются плиты, глубоко ушедшія въ землю. При этомъ, никакихъ преданій у теперешнихъ владѣльцевъ, а также никакого упоминанія въ переписяхъ дворовъ Москвы XVII и XVIII вѣковъ.

Лазаревское кладбище, расположенное на Сѣверо-востогѣ Москвы въ Марьиной рошѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Камеръ-коллежскаго вала, на землѣ графа Шереметева, ясно обозначается находимыми тамъ до сихъ поръ надгробными камнями, которыя повреждены людьми, временемъ и непогодю, но сохранили еще надписи. Это кладбище занимаетъ площадь около тысячи сажень земли и образуетъ лужайку, окруженную рвомъ, наполовину осыпавшимся и застроенную деревянными домиками. Деревья, дававшія ему тѣнь, нѣсколько лѣтъ тому назадъ срублены. Оно служитъ теперь мѣстомъ гулянья обитателямъ квартала, рабочимъ и скромнымъ горожанамъ, которые пользуются надгробными камнями какъ скамейками. Камни эти украшены въ Нѣ-

*) Въ 1870 году, во время исправленія ограды Даншова монастыря, архимандритъ Амфилохій нашелъ около этой ограды до двадцати каменныхъ надгробныхъ плитъ XVI вѣка (царствованія Ивана Грознаго).

мецкомъ вкусѣ надписями на Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, и числа восходятъ съ половины XVII вѣка до 1760 года приблизительно. Тамъ нашелъ я одно Французское имя: „Карлъ де Кроа“, но ни слѣда имени Жана-Баптиста Тавернье, присутствіе останковъ котораго на этомъ кладбищѣ засвидѣтельствовано историкомъ Карамзинымъ. Эти камни и другіе, найденные Калайдовичемъ и архимандритомъ Амфилохіемъ, составляютъ единственный слѣдъ иноземцевъ, современниковъ царей, съ Ивана Грознаго до Екатерины II. А потому необходимо прибѣгнуть къ помощи документовъ.

Въ 1689 году, спустя четыре года послѣ опубликованнаго Фридрихомъ-Вильгельмомъ I Прусскимъ манифеста (29 Октября 1685 г.) въ пользу бѣжавшихъ Французовъ-Кальвинистовъ, Петръ Великій, по внушенію Лефорта, обнародовалъ охранную грамоту, подтвержденную въ 1702 году, которая обезпечивала нашимъ соотечественникамъ, принужденнымъ покинуть родину, свободный доступъ въ Россію и полную вѣротерпимость. Однако, въ началѣ не всѣ ею воспользовались. По крайней мѣрѣ только небольшое число бѣглецовъ появилось въ древней столицѣ и, съ 1703 года, въ Петербургѣ. Любопытно сопоставить такое обнародованіе вѣротерпимости со стороны Русскаго правительства съ крайней жестокостью, проявленною *) въ 1689 году по отношенію къ Нѣмецкому иллюминату Квирину Кульману, ученику Якова Бѣма, который, изблеченный въ богохульствѣ и нечестіи, былъ судимъ, подвергнутъ пыткамъ вмѣстѣ со своимъ ученикомъ купцомъ Нордеманомъ и сожженъ живымъ на Болотѣ въ Москвѣ 4-го Октября 1689 года.

Въ 1698 году пасторъ Ланфанъ (Lenfant) изъ Парижа (быть можетъ, братъ Якова Ланфана, пастора Прусскаго короля и автора „Исторіи Гусситской войны“) проповѣдывалъ въ Москвѣ передъ Французскими Кальвинистами. Этотъ же Ланфанъ совершилъ путешествіе въ Персію съ Шведскимъ посломъ Фабриціемъ. Въ 1701 году онъ былъ посланъ въ Данцигъ руководить общиной Французскихъ Кальвинистовъ, основанной въ этомъ городѣ. Имена Французскихъ бѣглецовъ въ Москву почти неизвѣстны: документы писанные или печатанные молчатъ объ нихъ, надгробные камни стараго Лазаревскаго кладбища и кладбищъ при церквахъ исчезли, вросли въ землю или разсыпались отъ непогоды, если только ихъ не употребили, какъ строительный матеріалъ, мѣстные жители. Болѣе того, частные пожары и особенно пожаръ 1812 года, истребили много архивовъ, такъ что почти невозможно пополнить про-

*) По проискамъ Московскихъ Нѣмецкихъ пасторовъ.

бѣлъ между этимъ временемъ и нашимъ. Чтобы отыскать нужные документы, пришлось поѣхать въ Петербургъ и порыться въ приходскихъ книгахъ Голландскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ, Лютеранскихъ и Кальвинистскихъ церквей. Тамъ находимъ большое число именъ бѣглецовъ. Любопытная вещь: какъ мѣсто рожденія многие изъ бѣглецовъ заявили, вмѣсто Франціи, какой нибудь городъ Германіи, Англіи или Голландіи, и только нѣкоторые изъ нихъ указали свою настоящую родину (Францію). Первые, до пріѣзда въ Россію, вѣроятно долго оставались въ Германіи, Англіи или Голландіи, признали ихъ своей новой отчизною и окончательно отряхли прахъ родной страны. Они въ полномъ смыслѣ слова были вырваны съ корнемъ изъ родной земли: насильно оторванные отъ Франціи, избѣжавшіе цѣною тысячи опасностей галеръ и эшафота, они должны были, очутившись въ безопасности, прогнать какъ дурной сонъ воспоминаніе о далекой родинѣ, гдѣ они все же оставили родныхъ и друзей. Въ этомъ отношеніи списокъ именъ поучителенъ, и я считаю, что насколько возможно полное перечисленіе ихъ будетъ не лишено интереса. Нѣкоторыя имена сопровождаются названіемъ церкви, въ спискахъ которой они значатся. *Военные:* Довремонъ (d'Auvremont), графъ Бонневильскій, инспекторъ Кадетскаго корпуса, умеръ въ 1732 г.; Де-ла-Фонъ, маіоръ инфантеріи (Голландская церковь, 27 Августа 1743 г.); Де-Хененъ (de Hennin), генералъ-лейтенантъ артиллеріи, умеръ 12 Апрѣля 1750 г.; Габориль, царскій лоцманъ, умеръ въ 1750 г.; Бертранъ, морской офицеръ, 1771 г.; Де-ла-Ривьеръ, полковникъ, умеръ въ 1770 г.; Беренже, инспекторъ Невскаго полка, 1754 г.; Де-Маренъ изъ Метца, главный инженеръ, умеръ въ 1757 г.; Легрененъ (Legrainain), унтеръ-офицеръ, 1768 г.; Вернезобръ (Vernezobre), лейтенантъ артиллеріи, 1771 г.; *Лица на царской службѣ:* г-жа Даримонъ (изъ Берлина), умерла въ 1736 г.; Де-Колбъ (prosélite) изъ Франціи; кавалеръ Де-Ля-Перъ, 1768—1781; Де-Прадалисъ (изъ Лангедока), умеръ въ 1772 г.; де-Боданъ, статскій совѣтникъ, умеръ въ 1772 г.; де-Кабри (изъ Кенигсберга), жена совѣтника юстиціи. *Профессора и преподаватели:* де-Комби (de Combies) (изъ Берлина), профессоръ Академіи Наукъ, умеръ въ 1735 г.; Фере (изъ Голландіи), учитель въ Кадетскомъ корпусѣ, 1729 г.; де-Жерве (изъ Ганжа), отецъ котораго былъ казненъ за вѣру во Франціи, профессоръ инженерныхъ наукъ въ Кадетскомъ корпусѣ, умеръ въ 1780 г.; Гей (Heu) (изъ Страсбурга), докторъ правъ (Голландская церковь 19 Октября 1740 г.); Гарнье (изъ Лондона) 1770; Жерно (изъ Гамбурга) 1772 г.; Жансонъ (изъ Данцига), чиновникъ въ Кадетскомъ корпусѣ; Вюсть Французскій преподаватель въ Кадетскомъ корпусѣ (Голландская церковь 28 Мая 1741 г.). *Гувернеры*

и дядки: Аппіа, литераторъ (sic), 1781 г.; Казаль (изъ Франціи), чтець и пѣвецъ во Французской церкви, умеръ въ 1740 г.; Дюмонъ, гувернеръ у Салтыковыхъ, умеръ въ 1737 г.; Антуанъ (изъ Берлина)— у графа Строганова, умеръ въ 1771 г.; Берте, пѣвецъ, 1779 г.; Буске, гувернеръ; Де-Фолинъ (изъ Ніона, женатый на дѣвицѣ Масмежанъ родомъ изъ Ванъ (Vaux, Ardèche), гувернеромъ у графа Строганова въ Москвѣ въ 1750 г.; Лапальмъ, умеръ въ 1748 г.; Гинаръ, гувернеръ въ Академіи Художествъ, 1766 г.; *Гувернантки*: Паенъ, умерла въ 1751 г.; Ришье, умерла въ 1756 г. *Доктора и хирурги*: Ладе, *assesseur de collègue* (Голландская церковь, 1719 г.); знаменитый Лестокъ, родившійся въ 1702 году въ ГанOVERѣ, гдѣ его отецъ, родомъ изъ Франціи, исполнялъ обязанности придворнаго врача; Милліо, хирургъ флота (родомъ изъ Франціи), умеръ въ 1725 г.; Крепенъ, *attaché à la marine*, 1753 г.; Шеналь, хирургъ адмиралтейства, 1756 г. *Кушцы, ремесленники и художники*: Барро (изъ Берлина), пріѣхавшій въ Москву въ 1730 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1738 г.; Бузанке (Голландская церковь, 1741 г.), діаконъ, умеръ, въ 1750 г.; Вернезобръ (Голландская церковь, 28 Ноября 1745 г.); Брютель де ла Ривьеръ, діаконъ, 1750 г.; Хеншеленъ (Hainchelin) (изъ Берлина), умеръ въ 1756 г.; Ларесегіеръ (изъ Амстердама), умеръ въ 1752 г.; Бюисонъ (изъ Лангедока), винный торговецъ (Голландская церковь 24 Января 1724 г.), умеръ въ 1756 г.; Мино, трактирщикъ; Барраль; Домонъ, фабрикантъ шолковыхъ чулокъ, 1770 г.; Де-ла-Маръ (родившійся во Франціи), директоръ сахарнаго завода, умеръ въ 1763 г.; Дюмутъ (изъ St. Quentin), пріѣхавшій изъ Гамбурга, 1767 г.; Романъ (изъ Берлина), умеръ въ 1760 г.; Серръ (изъ Orange, Франція), директоръ фабрики гобеленовъ, умеръ въ 1769 г.; Фере, фабрикантъ чулокъ; Франже, 1759 г.; Рокеттъ (изъ Бордо), придворный часовщикъ въ Москвѣ и Петербургѣ (Голландская церковь, 23 Января 1721 г.), умеръ въ 1770 г.; Мюссаръ, часовщикъ, 1780 г.; Пере, часовщикъ, умеръ въ 1771 г.; Де-ла Круа, ювелиръ, 1768 г.; Лудъе (изъ Берлина), часовщикъ; Ноде, ювелиръ, 1739 г.; Позье, гранильщикъ и діаконъ, 1748 г.; Филиппенъ, ювелиръ, 1781 г.; Тиріонъ, ювелиръ, 1767 г.; Де-Фонтеней, ювелиръ, 1758 г.; Легренъ, художникъ, чиновникъ при Кадетскомъ корпусѣ (Голландская церковь, 26 Января 1742 г.); Гюи (изъ Берлина), художникъ, умеръ въ 1747 г.; Гролье, пекаръ въ Кадетскомъ корпусѣ, 1772 г.; Ховелакъ (изъ Берлина), умеръ въ 1756 г.; Румъе (изъ Берлина), шляпный мастеръ, Лене (изъ Берлина), слесарь, 1758 г.; Шапаръ, уборщикъ (*garnisseur*), умеръ въ 1735 г.; Бодонъ (изъ Магдебурга), 1750 г. и Махье (Mahier), умеръ въ 1759 г. столяры; Ежъ (Euge) (изъ Монтобана), умеръ въ 1734 г.; Розье, парикмахеръ; Бастидоръ,

придворный парикмахеръ; Ла-Кассанъ, парикмахеръ, умеръ въ 1755 г.; Нино (тоже) 1771 г.; Бартъ (тоже) 1759 г.; Фурьеръ, лакей; Бенаръ, камердинеръ Пушкина, 1780 г.; Мартине (родомъ изъ Шампани), лакей, умеръ въ 1727 г.; Диго (родомъ изъ Франшъ-Конте), лакей; Шардонъ (изъ Дижона), поваръ графа Головина, умеръ въ 1740 г.; Ле-Папъ, поваръ Лефорта 1731 г.; Совепланъ (или де-Совепень), главный поваръ ея величества императрицы Екатерины I-й (Голландская церковь, 29 Декабря 1717 г.); Легра (изъ Берлина), поваръ, умеръ въ 1752 г.; Трюмо, поваръ Англійскаго посольства, 1757 г.; Брогеттъ (родомъ изъ Франціи), садовникъ, умеръ въ 1734 г.; Можно привести еще имена; Де-Бозорбъ (изъ Берлина), (Голландская церковь 27 Декабря 1729 г.); Бевьеръ (изъ Магдебурга), умеръ въ 1734 г.; Аже, умеръ въ 1758 г.; Буланже, умеръ въ 1764 г.; Куллонъ; Корнель; Коттель; Діедоне; Дора; Дююсъ (или Дюма) (изъ Берлина), умеръ въ 1772 г.; вдова Динанъ (изъ Берлина), умерла въ 1755 г.; Дююже; Гумбертъ (изъ Риги), умеръ въ 1752 г.; Жонкьеръ (изъ Копенгагена), умеръ въ 1753 г.; Лео (изъ Берлина) умеръ въ 1772 г.; Монаръ; Ризоле, умеръ, въ 1772 г.; Валуа (изъ Утрехта), 1769. Среди служителей Англиканской церкви встрѣчаются имена Филиппа Лернульта (1727—1737 гг.) и Данила Дюмареска (1747 г.).

Абель Бюржа, второй регентъ и преподаватель математики во Французскомъ коллежѣ въ Берлинѣ, пріѣхавши въ Россію въ 1778 году въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ Татищева и назначенный въ 1779 году пасторомъ Реформатской Французской церкви въ Петербургъ, рассказываетъ, какъ Французскіе Кальвинисты рѣшили въ 1723 году построить свою собственную церковь. До тѣхъ поръ они принадлежали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, Англичанами, Голландцами и Швейцарцами къ первой Реформатской церкви, построенной въ 1704 году. Чтобы привести въ исполненіе свой проэктъ, они написали Великому Совѣту (Magnifique Conseil) въ Женеву просьбу прислать имъ пастора. Совѣтъ назначилъ Роберта Дюнана „священнослужителя Святаго Евангелія Реформатской церкви Москвы и Петербурга“, который пріѣхалъ въ 1724 году и священнослужительствовалъ до 1741 года. Послѣ его отъѣзда каеэдра пустовала до 1747 года. „Причина такого долгаго пустованія, говоритъ пасторъ Бюржа, лежала, вѣроятно, въ малочисленности Французскаго стада пасомыхъ и въ трудности содержать пастора и другихъ служителей церкви. Чтобы облегчить бремя содержанія пастора, Реформаты Французскіе или говорившіе по французски, просили Нѣмецкихъ Реформатовъ соединиться съ ними и призвать пастора, который будетъ попеременно проповѣдовать по французски и по нѣмецки“.

Нѣмцы приняли это предложеніе. Такимъ образомъ новая церковь имѣла послѣдовательно служителями: Ристера, Реформатскаго пастора изъ Любека (1747—1761 гг.), говорившаго на обоихъ языкахъ, Дильтея (Французскаго пастора въ Швабахѣ), умершаго въ 1766 году, Лавинь (Французскаго Пастора въ Дессау), ум. въ 1773 году.

По смерти Лавинь между Французами и Нѣмцами возникъ споръ изъ за назначенія новаго пастора. Нѣмцы выставили кандидатомъ Маевскаго, депутата Польскихъ диссидентовъ. Французы нашли, что этотъ пасторъ недостаточно хорошо говоритъ на ихъ языкѣ и не соглашались на его утвержденіе, ссылаясь на первенство ихъ мнѣнія, какъ основателей церкви. Нѣмцы, со своей стороны, хотѣли, чтобы назначеніе состоялось голосованіемъ, что имъ обезпечивало бы большинство голосовъ, такъ какъ они были многочисленнѣе Французовъ. „Эта распря, какъ часто бываетъ, повлекла за собою другую. Забыли исходную точку и перестали (неслышанная до тѣхъ поръ вещь), считать объ націи составляющими единое цѣлое съ церковью; заговорили о правахъ, объ обоюдныхъ обязанностяхъ, о собственности, о раздѣлѣ и уплатѣ издержекъ; Французы, какъ основатели церкви, заявили притязанія на храмъ и принадлежащія къ нему постройки. Нѣмцы, заботившіеся все время о поддержаніи церкви, захотѣли быть такими же хозяевами, какъ и Французы... Объ общины, не посоветовавшись между собою, выбрали каждая своего пастора. Священнослужитель Кюршодъ изъ Лозанны, пріѣхавъ въ Петербургъ по своимъ частнымъ дѣламъ; Французы предложили ему мѣсто пастора и онъ его принялъ. Онъ уѣхавъ обратно въ Лозанну въ 1777 году и Декортъ, пѣвчій (chantre) заступилъ мѣсто отсутствующаго Французскаго пастора, читая напечатанныя проповѣди“.

Екатерина II положила конецъ этой распри, издавъ указъ, примиряющій противниковъ, но все же съ главенствомъ Кальвинистовъ Французскихъ. Первый параграфъ гласитъ такъ: „Реформатская церковь этого города, будучи основана Французскою націей, соединившейся съ націей Нѣмецкою, долженствуетъ быть признана собственностью обѣихъ сторонъ: *сохраняя, по праву, за Французами, какъ основателями, преимуществу и первенство во всемъ, что будетъ имѣть отношеніе къ названной церкви*“.

Съ 1779 по 1784 гг. Абель Бюржа исполняетъ обязанности пастора. За нимъ слѣдовалъ Петръ-Этьенъ-Луи Дюмонъ (1784—1785 гг.). Въ 1797 году кафедра занята пасторомъ Де-ла-Созе изъ Женева. На-

зовемъ еще имена: Данииль Бадли (1821—1826 гг.); Де-Деллиентъ (de Dellient) (1826—1829 гг.); Андрей Фурнье, родившійся въ Gépégas (Départament du Gard) въ 1836 г.; пасторъ Кротте (родившійся въ Понсѣ, Нижняя Шаранта въ 1839 г.), студентъ богословія въ Лозаннѣ (1858—1862 гг.), помощникъ священнослужителя Реформатской церкви въ Москвѣ съ 1863 по 1864 г. и назначенный потомъ въ Петербургъ. Пасторъ Кротте, заслуженный библиофилъ, обладатель великолѣпной коллекціи роскошныхъ книгъ XVIII вѣка, издалъ въ 1890 году въ Амстердамѣ прибавленіе къ 5-му изданію Коена (Cohen) „Руководство для любителя книгъ съ гравюрами XVIII вѣка“.

Въ спискахъ Французскихъ пасторовъ Реформатской церкви Москвы съ XVII вѣка по наши дни находимъ, кромѣ вышеупомянутаго Ланфана, только слѣдующія имена: Робертъ Дюнанъ, главный пасторъ Москвы и Петербурга; Бартелеми; Бувье (1821 г.); Георгъ-Луи Шоръ изъ Монбельяра (1837—1845 гг.).

Что касается Французскихъ прихожанъ этой же церкви, то мы уже указали на чрезвычайную трудность отыскать ихъ имена, происходящую отъ исчезновенія старыхъ кладбищъ *) и частыхъ пожаровъ, особенно пожара 1812 года. Впрочемъ вотъ нѣсколько именъ: Фомеродъ, Роша, Секретанъ, Дюбуа, Христовъ Арно въ XVIII вѣкѣ; Андрей Анжу діаконъ, Петръ Малле, Жанъ Буржуа, Е. Мелли, Самуиль Перре, преподаватель языковъ, Ж. Бува, Де-Шалли, Самуиль Декулье (Descouillayes), членъ Совѣта Реформатской церкви Москвы (съ конца XVIII вѣка по 1820 годъ).

Не желая преувеличивать роль этихъ эмигрантовъ въ ходѣ развитія Россіи, будетъ всетаки умѣстно приписать имъ довольно важное влияніе на нравы, литературу, искусства и науку. Хотя и вырванные съ корнемъ изъ родной земли, они забросили первые сѣмена Французской образованности, столь свойственной характеру Русскихъ, и приготовили почву къ тому согласію, которое нынѣ соединяетъ обѣ страны.

Ф. Тастевень.

Москва 23 Февраля 1910 г.

Статья эта написана для „Русскаго Архива“ Феликсомъ Ивановичемъ Тастевенемъ (преемникомъ В. И. Готье) книгопродавцемъ и авторомъ превосходной книги объ исторіи Французской колоніи въ Москвѣ. Труды г-на Тастевена отличаются знакомствомъ съ нашею исторіею, достопамятными приемами разысканій и ясностью изложенія. П. Б.

*) Великолѣпная мраморная гробница надъ останками знаменитаго Лефорта исчезла безъ слѣда; неизвѣстно даже, гдѣ она первоначально находилась.